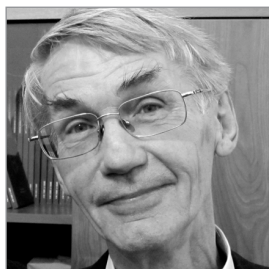

Можно ли говорить о трансцендентном?*

Никифоров Александр Леонидович – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: nikiforov_first@mail.ru

Статья представляет собой реплику к тексту «Аргумент и метафизика» мексиканского философа Э. Вильянуэвы. Рассматривается вопрос о том, можно ли в сфере метафизики высказывать осмысленные утверждения и вести корректные дискуссии. Показывается, что аргументация Вильянуэвы, опирающаяся на сформулированную им типологию языков, применительно к которым можно говорить о значении языковых выражений, наследует традиционные аналитические представления о языке Фреге, Витгенштейна и Рассела, в которых язык как статичная и в принципе формализуемая структура противопоставляется речи как стихийной эмпирической практике, подлежащей логическому очищению. Автор высказывает критические замечания по поводу позиции тех исследователей, которые, опираясь на чрезмерно узкие концепции значения языковых выражений и существования, утверждают, что по поводу метафизических сущностей дискуссии невозможны.

Ключевые слова: метафизика, референт, существование, язык, чувственное восприятие

IS SPEAKING ABOUT THE TRANSCENDENTAL POSSIBLE?

Alexander Nikiforov – DSc in Philosophy, chief research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: nikiforov_first@mail.ru

This is a reply to the paper by Enrique Villanueva “Argument and metaphysics”. Author considers the problem of meaning in terms of metaphysical statements and the possibility of discussions on metaphysical topics. The author demonstrates that Villanueva’s arguments based upon a typology of languages, in terms of which one might talk about the meaning of linguistic expressions, inherits the traditional analytical ideas of language formulated by Frege, Wittgenstein and Russell, in which language as a static and potentially formalized structure is opposed to speech as a spontaneous empirical practice, which is subject to logical purification. Author criticizes the concepts that neglect the metaphysical discussions for the narrow understanding of meaning in linguistic expressions.

Keywords: metaphysics, referent, existence, language, sensory perception

* Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00872 «Языковые универсалии в построении картины мира человека».

В статье Энрике Вильянуэвы поставлен весьма интересный философский вопрос, на который автор предлагает свой ответ. К сожалению, текст слишком краток и мысль автора не всегда ясна, поэтому я могу ошибаться в ее истолковании. Тем не менее попробуем выделить основную линию рассуждений автора.

Как известно, Платон расщепляет бытие на два мира – мир идей, вечных неизменных сущностей, и чувственно воспринимаемый мир текущих, изменчивых вещей. В своем обыденном житейском опыте мы способны познавать лишь преходящие вещи, доступные чувственному восприятию. О мире идей мы не способны получить знание. Вильянуэва усматривает здесь парадокс: если мы не имеем никакого знания о мире идей, то как мы вообще способны мыслить о нем?

В XX в. Л. Витгенштейн придал этому вопросу лингвистическую форму. В своем «Трактате» он говорит не о *познании* сверхчувственных сущностей, а о *значениях* наших слов и предложений. Он полагает, что о таких метафизических вещах, как Благо, Бог, Космос, Вечность, говорить нельзя, ибо они не могут выступать в качестве референтов наших слов. К этому Вильянуэва добавляет мысль Б. Рассела о том, что «пустые» имена типа «нынешний король Франции» являются псевдоименами и лишены значения. Нет языка, на котором можно было бы говорить о метафизических сущностях, они не могут быть референтами наших слов. Поэтому, приходит к выводу автор, в области метафизики никакая аргументация невозможна. Здесь вера заменяет рассуждения.

Вывод автора кажется смелым, пожалуй, даже слишком смелым, если вспомнить о том, что, начиная с того же Платона, философы много рассуждали о метафизических сущностях и немало спорили о них. Убрать из философии рассуждения и споры о Добре, Истине, Красоте, о том, каков мир «сам по себе» значит уничтожить философию как стремление к мудрости и свести ее к техническому анализу языка. Боюсь, здесь наш автор слишком хорошо усвоил образ мыслей раннего Витгенштейна и его отношение к философии. Но дело не только в этом.

Вильянуэва, как мне кажется, в своих рассуждениях о метафизике опирается на очень узкую концепцию именования и существования. Подлинными именами являются только те слова, которые обозначают чувственно воспринимаемые объекты, а существует только то, что можно воспринять с помощью органов чувств. Рассел рассматривает предложение «Нынешний король Франции лыс». Истинно оно или ложно? Мы не можем ответить на этот вопрос: поискав короля среди лысых, мы его не обнаружим, следовательно, наше предложение ложно. Но, поискав короля среди нелысых, мы и там его не обнаружим, следовательно, отрицание нашего предложения также ложно. Нарушение закона исключенного третьего! Это

объясняется тем, полагал Рассел, что выражение «нынешний король Франции» не является обозначающим выражением и должно быть устранено из языка. Точно так же и имя «Пегас» не является подлинным именем, ибо предложение «Пегас летает» приводит к тем же затруднениям: среди летающих существ мы его не найдем, но мы не найдем его и среди не летающих!

Ясно, что такая трактовка обозначающих выражений и существования является в высшей степени наивной. Стоит ли говорить о том, что существуют многие вещи, недоступные чувственному восприятию? Объекты математики, квантовой физики, астрономии нельзя увидеть, пощупать, понюхать, но они же существуют! Да и вообще, со времен У. Куайна тривиальной стала мысль о том, что теоретическая система сама задает свою онтологию и определяет, что считать существующим, а что – не существующим. Научная теория, как правило, говорит об идеализированных, абстрактных объектах и рассматривает эти объекты как существующие в онтологической картине, задаваемой теорией. О свойствах и отношениях этих объектов можно рассуждать, можно спорить, можно обосновывать или опровергать утверждения о них. Почему же этого нельзя делать в отношении трансцендентных объектов метафизики?

По-видимому, начиная с работ Г. Фреге, в логической семантике сложилась традиция рассматривать все языковые выражения как имена, обозначающие конкретные единичные объекты или множества таких объектов. Референтом собственного имени является единичный объект, референтом общего имени – множество объектов. Скажем, референтом имени «Александр Пушкин» будет наш великий русский поэт, референтом имени «Джордж Байрон» будет великий английский поэт. Это кажется вполне простым и естественным, но природа референтов даже собственных имен далеко не всегда ясна. Да, Пушкин и Байрон являются чувственно воспринимаемыми объектами, с ними можно было общаться и т. д. Но что собой представляет референт имени «Москва»? Мы скажем, что это город, столица России. Но можно ли мыслить и воспринимать этот референт с той же определенностью, с какой мы мыслим Пушкина или Байрона? Вряд ли. Еще сложнее обстоит дело с референтами таких собственных имен, как «Столетняя война между Англией и Францией», «Реформация», «Версальский мир», «Сталинградская битва» и т. п. Тем не менее мы вполне осмысленно употребляем эти имена, можем строить истинные или ложные утверждения с их помощью, можем обосновывать или опровергать предложения, содержащие такие имена. Но если мы допускаем наличие референтов у имен такого рода, то почему бы не допустить, что метафизические выражения, говорящие о трансцендентных сущностях, также имеют референты? Почему мы не можем рассуждать о таких вещах, как Благо, Истина, Красота, Справедливость?

Можно надеяться на то, что философы всегда будут рассуждать и спорить о таких вещах, — в этом суть философии. Однако Вильянуэва прав в одном отношении: нужно внимательно присматриваться к смыслу и значению не только метафизических выражений, но и научных терминов, и слов повседневного языка.